

**«ЕГДА ЧТЕМ, ГОСПОДЬ К НАМ БЕСЕДУЕТ»:
К ВОПРОСУ ОБ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ
СОЦИАЛЬНОЙ АРХЕОГРАФИИ**

О.Н. БАХТИНА

Филологический факультет
Томский государственный университет
634050, Томск, пр. Ленина, 36

В.В. КЕРОВ

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
117198 Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10, корп. 1

Е.Е. ДУТЧАК

Исторический факультет
Томский государственный университет
634050, Томск, пр. Ленина, 36

Статья посвящена анализу ситуации, сложившейся в последние годы вокруг археографии. Проблемы, возникшие в этой вспомогательной исторической дисциплине, вызваны во многом тем, что ни полевая, ни камеральная археография не выполняет задачи выявления и анализа связей между книгой, книжностью и социокультурной средой. Авторы предлагают институционализировать новую дисциплину – социальную археографию, целями которой должны стать изучение бытования книги в контексте культуры, где она создана и функционирует; а также анализ процесса взаимодействия человека с книгой.

Что такое археография? Этот, на первый взгляд, простой вопрос в последние годы периодически возникает в гуманитарных науках, связанных так или иначе с древними письменными источниками. Сам термин, как известно, возник в начале XIX в. и первоначально обозначал вообще «описание» или «объяснение древностей». А с 1823 г. с легкой руки будущего известного историка П.М. Строева под археографией стали понимать собирание, описание и издание письменных исторических источников. Отсюда следует, что уже в самом начале термин имел «широкое» и «узкое» значение.

С течением времени археография выделилась в самостоятельную историческую дисциплину, но о том, что ее кодификация не решила всех проблем, стоящих перед ней, свидетельствуют время от времени возникающие дискуссии о ее целях, предмете и объекте. Так было в 60–70-е гг. XX в. в связи с увлечением «полевой» археографией, которая занималась выявлением и сбором древних кириллических

книг в районах компактного проживания старообрядческого населения России. Так случилось в перестроечный период, когда в обществе возник обостренный интерес к прошлому, прежде всего к революционным событиям, открылись архивы, начались массовые публикации документов. Свидетельством тому является дискуссия, начатая на страницах журнала «Отечественные архивы» (2001. – № 1, 3, 5; 2002. – № 1), которая была вызвана появлением статьи В.П. Козлова «Теоретические основы археографии с позиций современности». В этом исследовании, так же как и в его недавно вышедшем учебном пособии «Теоретические основы археографии» (Новосибирск, 2003) осмысливаются этапы сложного процесса превращения архивной информации в широко доступную «публикацию исторического документа». Таким образом, как справедливо отметил Г.И. Королев, археография в данном случае «приобретает характер области практической деятельности и научной дисциплины, занимающихся издательской проблематикой вообще»¹.

Все исследователи, принявшие участие в дискуссии, признали, что работа В.П. Козлова, несмотря на очень резкие высказывания относительно сложившегося терминологического аппарата классической археографии, оказалась чрезвычайно полезной, поскольку заставила задуматься о необходимости теоретического осмысления результатов практической деятельности. Об этом писала, в частности, И.В. Поздеева, отметив, кроме того, что «на рубеже третьего тысячелетия остро необходим не "пердел сфер влияния", а осмысление места и роли, задач и методов многих научных и научно-практических дисциплин, прошедших в XX веке сложный и порой противоречивый путь»².

Связывая археографию с издательской проблематикой, В.П. Козлов в то же время упоминает археографию как некую «совокупность знаний, неотвратимо и объективно выявляющих, фиксирующих и анализирующих взаимодействие документа и личности, общества, государства»³. Безусловно, такая постановка вопроса перспективна, но без разработки конкретных подходов к выявлению и анализу *действительных* связей между неким текстом, создавшим его человеком и исторической эпохой она остается предельной абстракцией.

Что же сделано в этой дисциплине для формирования исследовательской модели «человек-текст-культура»? Для того, чтобы выяснить это, целесообразно попытаться осмыслить современные проблемы археографии в том ее понимании, которое предложил в свое время П.М. Строев.

На сегодняшний день в классической археографии представлены два основных направления исследования кириллической книжности: камеральная археография, занимающаяся собственно описанием книжных раритетов и введением их в научный оборот, и полевая археография, призванная означенные раритеты обнаружить. Именно поэтому вопрос о создании единой схемы описания книжного памятника, способной не только фиксировать общие, инвариантные и уникальные атрибуты источника, но и обладать свойствами емкого и одновременно оперативного, удобного в работе «хранилища» сведений для специалиста *любого* гуманитарного профиля, изучающего древнюю книжность (или ориентированную «на древность», каковым является, например, творчество русских старообрядцев) – не утратил своей актуальности.

На рубеже 60–70-х гг. прошлого века, определяя задачи археографического изучения Сибири, Н.Н. Покровский и Е.И. Дергачева-Скоп подчеркивали, что «старообрядческие районы представляют интерес для историков древней литературы, письменности и книгопечатания не столько как резервуар, хранящий значительное количество

старинных русских книг, но и как среда, где до сих пор сохранились остатки некоторых традиций древнерусской книжности»⁴. Так впервые была обозначена проблема *изучения среды* бытования древней книги, потому что именно в ней продолжали и продолжают сохраняться живые традиции чтения и понимания произведений древнерусской словесности. Сибирские археографы подчеркивали, что полевые экспедиционные дневники должны содержать как можно более полные данные о «среде», а именно: когда и откуда появилось в данной местности старообрядческое население, хранящее древние книги; миграционные потоки, круг чтения, традиции переписки книг и создания авторских сочинений, особенности распространения древней книжности в обследуемом районе. Всесоюзные широкомасштабные экспедиции 60–80-х гг. под эгидой Археографической комиссии АН СССР ставили перед собой не только цель выявления и сбора памятников кириллической книжности, но также изучение их в среде бытования⁵. У Н.Н. Покровского, Е.И. Дергачевой-Скоп, В.Н. Алексеевой возник интерес к «живым библиотекам» староверов как собраниям книг, не утратившим связь с естественной социокультурной средой. Изучая территориальные коллекции, ведущие археографы России искали зависимость между вероучением отдельных направлений староверия и их книжным репертуаром⁶. С этого времени можно говорить об устойчивом исследовательском интересе к феномену «живых библиотек», к сожалению, пока не получившим теоретического обоснования и методического обеспечения.

Д.И. Тверская в итоговой статье о развитии полевой археографии писала: «Можно считать доказанным, что коллекция рукописей и старопечатных книг, собранная среди населения определенного района, сама по себе является ценным историческим источником для изучения народной идеологии, культуры, быта»⁷. Осмысливая проблемы и особенности работы археографических экспедиций, И.В. Поздеева подчеркивала, что кириллическая книжность сохранялась, прежде всего, в старообрядческой среде потому, что именно здесь существовала и существует древняя культурно-психологическая среда особого отношения к книге и особая функция книги как фундамента, определяющего жизнь христианской культуры и средневековой Руси. Поэтому следует признать справедливым выдвинутое исследователем требование – «максимально полно и точно выявить и зафиксировать все историко-культурные, социальные, психологические аспекты бытования книжности в данном районе». Основной задачей, при этом, является «установление и изучение связей книжности и среды»⁸.

Важно отметить, что развитие новых тенденций дополнялось оформлением «археографических школ», в рамках которых (при всей ощутимой разнице в исследовательских интересах) сразу же обозначилось стремление выработать *комплексный* подход к изучению как самой культурной общности, так и книжного памятника. Однако «веерное» развитие полевой археографии в последней трети XX в., диктуемое во многом степенью целостности региональной «старообрядческой составляющей», в конечном счете, обусловило несхожесть в понимании и реализации программы «комплексности» полевых археографических экспедиций⁹.

Принятая практически повсеместно методика классификации районов по степени сохранности традиционной культуры в старообрядческой среде позволяла более рационально использовать наличный «человеческий», административный и финансовый ресурс, что, действительно, вывело во второй половине XX в. изучение местных вариантов староверия на качественно новый уровень и позволило отыскать ряд оригинальных литературных памятников, без преувеличения, относимых к категории национального достояния¹⁰, хотя само число находок и, тем более, библио-

графия им посвященных работ настолько велики, что даже простое перечисление намного превысило бы формат журнальной статьи.

Однако у этой, бесспорно, славной страницы отечественной полевой археографии есть и оборотная сторона. Сегодня в полном объеме проявляют себя негативные последствия организации и целевых установок экспедиций прошлых лет, заданных особым характером российской науки, прочно связанной с первых своих шагов с «государственным интересом». В регистре полевой археографии это выразилось в том, что помещение памятников письменности в музеи, архивы и библиотеки стало считаться единственно правильным и лучшим способом их сохранения. Дополняющий же его социально значимый статус дисциплины как «миссии спасения» книжного памятника (причем, обеспеченный реальными успехами!) в каждый полевой сезон ставил и ставит археографа перед дилеммой – забрать книгу или оставить ее в руках потомков «носителей традиции», зачастую не понимающих ее истинной ценности, и, значит, практически смириться с ее окончательной утратой, надеясь только на самовозрождение старообрядческой общины в скором будущем. Впрочем, официально признанная в качестве научной задача *сбора* памятников, в сущности, не оставляла большого выбора – экспедиция, не привозящая книги, вызвала подозрения в профпригодности, что автоматически ставило вопрос о ее целесообразности. Поэтому установка на перемещение в государственные книжные хранилища собраний кириллической книжности староверов в не меньшей степени, чем «агрессивность» индустриальной цивилизации привели к достаточно быстрой его модификации, которая в итоге обернулась «размыванием» старообрядческой культурной традиции, а иногда и ее почти полным исчезновением.

Кроме того, в результате указанных процессов возникли последствия важные и для самой археографии. «Классическая» археография оказалась в непростой ситуации.

Одна из главных в их перечне – апробированная технология археографических камеральных и полевых исследований оказывается в состоянии четко и подробно фиксировать константы изучаемой культуры, оставляя при этом в стороне ее переменные и пластику, в лучшем случае, ограничиваясь указанием на «традиции» и «новации». В этой ситуации изучение «бытования книжности» и народной культуры было проблематичным.

Стремление современных гуманитариев приблизить историописание к дискурсу точных наук для археографического исследования стало олицетворять самодостаточный и замкнутый на себе набор характеристик письменного памятника.

Одним из следствий массового «сбора» книг стала нехватка ресурсов, в том числе кадров для полного освоения собранного. Соответственно, в настоящее время археографическая обработка рукописных и старопечатных книжных собраний, как правило, ограничивается даже не подготовкой к публикации, а их каталогизацией, что не может быть признано достаточным. Формализованное описание, превосходно справляясь с задачами охраны и учета раритетов, не только игнорирует существование взаимосвязи «реальность – источник – исследователь», но и оставляет вне поля зрения социальные и дискурсивные практики создателей, хранителей и читателей этих текстов и, значит, их непосредственное участие в складывании жизненной среды «обитания» книжного памятника.

Под воздействием этих и других факторов, несмотря на отмеченные выше тенденции (а точнее, интенции), археография остается ныне *вспомогательной* дисциплиной, в соответствии с ее изначальной классификацией, что придает ей незаслу-

женный «налет» вторичного и даже необязательного знания. Несомненно, задачи археографической «дактилоскопии» отдельно взятого памятника древней книжности по-прежнему должны остаться главным основанием для дальнейшей работы по изучению его происхождения, состава, оформления и пр. Ни что иное, как осознаваемая важность этой части «теневого» работы гуманитария заставляет ставить вопрос о приведение бесценного, без преувеличения, опыта позитивизма в деле квалифицированного изучения источника в соответствии с текущими задачами ретроспективных историко-культурных реконструкций.

В то же время в современную историографическую эпоху, когда не вызывает сомнений, что письменный источник есть явление духовной и материальной культуры и один из наиболее информативно емких базовых систем, на которой строятся разнообразные исследования – исторические, литературоведческие, искусствоведческие, культурологические и т.д. – формальное описание кириллических книг уже не удовлетворяет специалиста-гуманитария, *обязанного* считаться с актуальным состоянием исторической науки как одной из важнейших отраслей мирового знания.

Во-первых, научный мир не удовлетворен результатами проделанного ранее. Новейшие историки подвергают сомнению результаты изучения истории человечества, постоянно адаптируемых социально ангажированными прикладными дисциплинами и, в конечном итоге, общественным сознанием. Ученые подчас отказываются от выводов, добытых традиционными способами, задумываются о самой возможности полноценного познания прошлого человечества. Вне зависимости от оценки исторического постмодернизма следует признать, что проблема «непрозрачности» источника, остро поставленная представителями этого направления, уже не может быть решена на основе традиционных подходов и представлений. По мнению исследователей, современная «гуманитарная рефлексия не только подвергает сомнению однозначность понятия "реальность", но и пытается обнаружить имманентную проблематичность процесса создания реалистического образа в сфере социального и гуманитарного знания»¹¹. По признанию самих историков, «сегодня изменяются представления ученых как о содержании исторического развития, так и о логике и методике исторического познания»¹².

Во-вторых, еще одной важнейшей чертой нынешней ситуации в историописании, некоторыми историками маркируемой как «кризис», является быстрое освоение новых методологий, подходов и методик, обращение к новым комплексам проблем, ставящихся по-новому¹³. Такое отличное от кризиса состояние (как своей длительностью в несколько десятков лет, так и выдающимися результатами исследований кризисного, якобы, периода) позволяет обеспечить прогрессивное развитие науки.

Не сложно увидеть, что в рамках и первой, и второй тенденций от историка ожидается реальное ограничение эпистемологического нигилизма и релятивизма с одной стороны, и – решение вопроса о возможности использования конкретного источника в исследовании социально-исторической реальности. Применительно к археографии это, во-первых, означает постановку проблемы создания при участии и с помощью комплементарных междисциплинарных подходов и современных технических средств новой модели презентации и изучения книги и/или книжного собрания как уникального и одновременно синтетического историко-литературного источника, содержащего в «свернутом» виде многомерную и многоуровневую информацию. Второй, но не по значению, представляется задача выявить роль, место и статус самого источника и содержащейся в нем информации различного характера в рамках культуры, где он был

создан и/или обращался (функционировал), а также – установить содержание, формы и способы взаимодействия между источником и носителями данной культуры.

На наш взгляд, именно такой ракурс исследования позволяет вывести изучение рукописной и старопечатной книги за материальные рамки отдельно взятого раритета и позволяют увидеть в ней специфическую онтологическую традицию, объединяющую жизнь книги, социума и конкретного человека. Тем самым, в соответствии с тенденциями, обозначенными ведущими современными археографами и отвечающими на вызовы, адресованные современному гуманитарному знанию, возможно составить проблемное пространство нового самостоятельного полидисциплинарного направления – «социокультурная», или «*социальная археография*».

Главная *цель* этой ветви исторического исследования – выявление основных характеристик, описание и анализ процесса функционирования книжного памятника. В этой связи можно выделить конкретные *задачи* социальной археографии, направленные на системный анализ менталитета, жизненных стратегий и практик конкретных социальных групп:

1) Изучение *бытования книги в контексте культуры*. Здесь очень важным является изучение вопроса – в силу каких причин и обстоятельств признание в качестве авторитетных одного и того же круга текстов (в том числе, институциональных по отношению к культуре) не ведет автоматически к сходству ценностей, нравственных институтов, жизненных установок и стратегий носителей традиции.

2) Выявление и анализ процесса *взаимодействия человека с книгой*.

Такое взаимодействие отражено в разных видах *историко-культурного материала* и может исследоваться различными путями.

Следует использовать герменевтический анализ помет, выписей, толкований, если это возможно – устных оценок носителей данной культуры. Базовой посылкой здесь может служить гипотеза о том, что функциональное назначение читательских помет на страницах книг не исчерпывается лишь соображениями удобства при последующем обращении к тексту. В частности, в старообрядческих общинах подобные записи использовались идеологами и их окружением для составления полемических и учительных текстов, призванных аргументировать свой вариант «древлего благочестия» и санкционировать необходимые для выживания данного сообщества «новины». В качестве рабочей гипотезы с этой группой материалов нами предлагается ее рассмотрение в контексте исследования механизмов групповой и личной самоидентификации.

В другом аспекте не менее существенным и эффективным представляется изучение функционирования книги *в естественной социальной среде* в корреляции с конфессионально-бытовыми условиями ее создания, хранения и восприятия. Этот подход облегчается обеспеченностью адекватными технологиями системного изучения процессов складывания социальных сред и типологий чтения/читателей. Следует помнить о частичной «непрозрачности» для историка источниковой информации и его неизбежной субъективности в ее интерпретации. Без выявления и учета «погрешности», которую неизбежно вносит исследователь, почти невозможно максимально приблизиться к пониманию дискурсивной логики носителей изучаемой культурной традиции.

На основе полученных результатов можно приступить к достижению главной цели – реконструкции социальной «книжной» практики – выяснению системы ценностей и институтов, определяющих повседневные поведенческие модели человека и группы и, в перспективе, говорить о многофакторной модели анализа модификационных процессов в сообществе носителей данной культуры, их направленности, динамике и т.д.

Безусловно, требуется еще многое решить для полноценного оформления «социальной археографии» как междисциплинарной области гуманитарного знания (исторического, литературоведческого, книговедческого и т.д.). Прежде всего, необходимо разработать теоретические принципы подобных исследовательских процедур; конвенционально решить вопрос о границах и возможностях применения намеченных методологий при изучении конкретных социальных сред и практик. Фактически в ходе институционализации новой дисциплины необходимо обозначить теоретические методические принципы систематизации всего комплекса полевой и камеральной археографической информации. Не вызывает сомнений и то, что это под силу не исследователям-одиночкам, а научным коллективам, уже имеющим опыт работы в области «классической» археографии.

Пока же перспективы наиболее очевидны применительно к изучению староверия как явления длительной временной протяженности и феноменального культурного многообразия. Исследование старообрядческого сообщества на современном уровне уже невозможно без обращения к проблеме механизмов сохранения и передачи культурной традиции. А это, в свою очередь, требует выявления логики изменений и адаптационных возможностей конфессиональной системы, реализующихся в ходе широких модернизационных процессов. Кроме того, староверие, представляя собой «хрестоматийный» тип культуры, ориентированной на письменный сакральный текст, служит не только иллюстрацией для показа потенциала «социальной археографии», но и идеальным «полигоном» для формирования и апробации новой исследовательской модели.

Следует отметить, что существующее и общепризнанное в настоящий момент понимание задач камеральной и полевой археографии и указанные особенности формирования ее источниковой базы определили во многом то обстоятельство, что выяснение вопроса о коммуникативных практиках староверия по сей день разворачивается в двух непересекающихся плоскостях: либо идейная основа вероучения, либо сфера обыденного уклада.

Безусловно, даже вынужденное ограничение при исследовании вероучений и ментальности староверов их «высокими формами», способными уточнить оппозицию «старое/новое» лишь на примере идеологического текста, имеет неоспоримую ценность. Именно *авторитетный текст* (переписанный, прокомментированный или созданный старовером-идеологом) позволяет выявить базовые ценностные характеристики представляемого им сообщества единоверцев. Однако вырванный из естественной среды бытования такой текст оказывается малопригодным для ответа на вопросы – в какой степени он был известен единоверцам-современникам, служил ли он реальным ориентиром в повседневной практике общины, в течение какого времени и в силу каких причин это могло иметь место, какие его интерпретации определяли социальную практику и т.д.

В большинстве случаев методологически некорректное, но зачастую вынужденное для исследователя «разведение» области повседневности и идеологии, преодолимо лишь в том случае, если будут изменены, во-первых, понимание целей, задач и методов археографического исследования, во-вторых, установка на непременно передачу кириллической книги в государственное учреждение. Только тогда у исследователя и в будущем сохранится возможность не только по архивным материалам восстанавливать социально-историческую действительность, но наблюдать обыденную жизнь старообрядческой общины и знакомиться с тем кругом сакраль-

ных и оригинальных авторитетных текстов, который известен не старообрядчеству вообще, а связывает между собой членов локальной общины. Рассмотрение жизненного уклада, поведенческих стратегий староверов в контексте «социальной археографии» через выявление нормативно-институционального образца (фиксируемого авторитетным книжным текстом) задаст основания для описания (синхронного и диахронного) и анализа (функционального, структурно-типологического) устойчивых и подвижных форм этой конфессиональной культуры.

Представляется, что на сегодняшний день при изучении старообрядчества и как феномена русской культуры, и как специфической социальной реальности гораздо перспективнее использовать категории системного анализа, чем продолжать описательное наблюдение отдельных групп. Этого требует и современный – постнеклассический – этап развития научного знания. Его фундаментальным началом стало представление о жизни общества как открытой неравновесной и невосстановимой системе, которая в состоянии спонтанно образовывать упорядоченные устойчивые структуры в силу присущей ей способности отбора из множества случайностей лишь совместимых с законами ее существования¹⁴.

Осмысление староверия под таким углом зрения создает условия для превращения комплекса хорошо изученных ценностных смыслов старообрядческой культуры в средство анализа жизненного уклада и коммуникативных практик разного назначения и направления в динамике. Это позволит установить отношения взаимодополняемости между «историями» событий, идей, социальных практик и динамической структуры социокультурного пространства. Поэтому фактографические характеристики локальных конфессиональных групп мы предлагаем дополнять реконструкцией их «культурных кодов», заключающих в себе важные для конкретного коллектива смыслы, символы, формы самоидентификации и способы мыслительной деятельности, которые в общем виде фиксируются традиционными источниками, детализируются авторскими сочинениями староверов и проявляются в функционировании системы текстов.

Понятие «культурного кодирования» предполагает наличие в конфессиональной системе «смыслового ядра», или культурно-значимой информации, усваиваемой человеком и коллективом рационально, аффективно и подсознательно; во-вторых, составляемого системообразующими, периферийными, а также внедискурсивными динамическими и стохастическими элементами, несущими разную нагрузку в ходе межпоколенной передачи и усвоения культурных топосов на уровне отдельно взятой семьи, общины, согласия или сообщества в целом.

Некоторые такие элементы, например, тип познания, понимания и объяснения окружающего мира и сопутствующие им аффективные оценки происходящего, наименее подвержены внешним воздействиям и передаются почти в неизменном или слабоизмененном виде, что обеспечивает стабильность конфессионального организма в целом. Именно поэтому староверие не знает прецедентов массовой «смены вер», и, напротив, демонстрирует непреходящий интерес к вопросам брака с представителями иных согласий. Другие элементы, «отвечающие» за выстраивание отношений с непосредственным окружением и зависящие от интенсивности и характера модернизационных процессов в обществе, напротив, несут в себе серьезный инновационный заряд, и, в конечном счете, именно они способны воздействовать на центральные элементы «ядра» и изменять сам «рисунок» культурной системы. И поскольку староверие по своим базовым характеристикам является «книж-

ной культурой», то роль и значение авторитетного кириллического текста в процессах групповой идентификации становится особенно важной.

В старообрядческой духовной практике достоверными считаются только те тексты, в которых строго выдержана преемственность традиции, не допускающая произвольных интерполяций. Любые модификации должны выдержать проверку авторитетного сочинения, что, несмотря на изменения в его интерпретации, делает его носителем вневременных сакральных значений и перманентно актуальным.

Известно, что раскол русской православной церкви в середине XVII в. был вызван, формально, книжными исправлениями и что на протяжении всей своей истории староверие сохранило пietetное отношение к традиционному кириллическому тексту. Непреходящий высокий статус книги в целом отражает константу старообрядческого мышления и мироустройства, но он не способен объяснить в силу каких обстоятельств и каким образом для старовера прошлого и настоящего книга становится не просто отражением религиозных учений, перечислением обрядовых установлений и бытовых запретов, но ценностным ориентиром и источником информации в повседневной жизни.

Статус кириллической книги в староверии строится на двух основаниях. Первый из них – древнерусская традиция создания и постижения авторитетного, сакрального текста с ее неприятием чтения исключительно как интеллектуального акта, но акцентированием его нравственной, душеспасительной стороны. Мысль – «Егда молимся, с Господем беседуем, егда же чтем, Господь к нам беседует» – красной нитью проходит через нравоучительные авторские сочинения и компилятивные сборники староверов. Это проясняет истоки представлений о книге как общем достоянии и практику коллективного решения о покупке, обмене той или иной книги. В такой ситуации действующий лишь по своему разумению наставник вполне мог быть обвинен в грехе гордыни и лишен власти, что вряд ли относимо к разряду курьезов¹⁵. Закрепление за книгой функции сбережения экзистенциальных смыслов не позволяет назвать ее собственностью одного человека – истина в рамках этой логики принадлежит всем и каждому в равной степени.

Обостренный эсхатологическими настроениями страх «повредить веру» и, следовательно, утратить саму возможность узнавания истины задает второе основание для понимания староверием предназначения кириллического текста. Оно определяется сознательной оппозицией к «никонианскому миру» и вытекающей отсюда потребности иметь необходимые уставные тексты для совершения «правильного», не поврежденного реформаторами богослужения и практического руководства при решении внутренних спорных или сомнительных случаев.

Таким образом, путь реконструкции «культурных кодов», присущих разным старообрядческим сообществам, не ставит исследование староверия в зависимость от «категории района», и в то же время позволяет учитывать различия между теоретически реконструируемыми культурными ценностями, воплощенными в их вероучениях, и реализацией их на практике.

Поскольку кириллический текст позволяет староверию создавать и транслировать ценности, задавать повседневный ритм, выстраивать образцы «правильного поведения» и маркировать «свое» и «чужое» культурное пространство, то его исследование (как в единичной форме, так и в виде целых общинных собраний, складываемых на протяжении столетий) невозможно без реконструкции жизненной среды и менталитета конкретных старообрядческих групп. Причем задача представления как единого цело-

го триады «личность – культура – общество» через выявление рациональных, т.е. осознаваемых, воспроизводимых и имеющих смысл для конкретного культурного сообщества, связей диктует необходимость 1) разработки адекватной концепции сбора исследовательского материала; 2) выявления на этой основе репрезентативной и валидной источниковой базы (старообрядческие авторские сочинения и компиляции, стенограммы интервью и полевые дневники исследователей, источники визуального ряда и пр.) для реконструкции как самих жизненных стилей конфессиональных групп на протяжении длительного периода времени, так и вектора их трансформаций; 3) формирования соответствующего комплекса методов обработки и интерпретации гетерогенного по своему составу археографического материала

Опыт археографических экспедиций, в частности, томской, позволяет сформулировать *программу сбора и анализа полевого и камерального археографического материала*, построенной на системном анализе старообрядческой культуры, в каждую историческую эпоху проявляющей себя на трех уровнях – повседневности, идеологии и социальной организации. Соответственно можно выделить три направления социально-археографических исследований на начальном этапе.

Первичным материалом для последующего изучения *структуры повседневного* являются экспедиционная, «полевая» работа, построенная на личном общении с представителями различных старообрядческих конфессий, и/или восстановление по косвенным источникам историко-культурной информации принятых в их среде способов хозяйственной деятельности, форм досуга, каждодневного общения и т.п. Поскольку религиозные сообщества, осознающие себя в положении «избранных» и характеризуются религиозным методизмом или его элементами, стремятся подчинить обыденность жестким правилам, то их бытовой уклад поддерживает корреляции с доктринальными идеями и культурными символами. Установление и раскрытие таких сопряженностей представляется достижимым хотя бы потому, что в данном случае стремление приблизить обыденность к сакральным ценностям в рамках «мирской аскезы» и «сакрализации повседневности» вербализовано и аргументировано. Следовательно, рассмотрение повседневности как процесса социальной практики, в результате которого формируются человек и общество, позволяет фиксировать сочетание моментов рационального и аффективного выбора или бессознательного усвоения поведенческих ролей.

Исследование *«структуры идеального»* (символы и культурно-значимые образцы, при помощи которых формулируются ценности культуры, создаются существующие и вводятся новые представления, образы и понятия) включает в себя системный анализ вероучительных, исторических и этических концепций, присущих конкретным направлениям староверия. В совокупности это позволяет выявить понятийный ряд, систему ценностей, нормативных институтов и установок, с помощью которых члены сообществ осознают себя единым целым, а собственные социальные практики как единственно возможные (коллективная идентичность) и определяют направление и цели собственного существования.

Третий элемент – *«структура социального»* – направлен на детализацию внутрigrупповых отношений и взаимодействий (статус и полномочия лидера, «правовое» положение страт, регулярность, качество и способы реализации контактов, тип сплоченности, степень, формы и методы контроля над частной жизнью членов сообщества и т.д.). Это дает основания для изучения социальной основы синхронных и диахронных модификаций социума.

Роль кириллического текста в процессах самоорганизации старообрядческих сообществ в пространстве фактов, сознания или межпоколенной коммуникации явственнее всего выступает в сфере «допустимых нарушений», характеризующей адаптационные ресурсы групп и вектор автокоррекции системы в целом. Известно, что любое религиозное сообщество, с одной стороны, требует от своих членов строгого соблюдения предписаний, а с другой, постоянно вынуждено принимать отдельные виды отступлений от них, но с обязательным решением вопроса о своевременности и глубине инновации.

Понять логику санкционирования очередного «неповреждающего веру» действия или чувства невозможно лишь на основе комплексного анализа содержания и формы старообрядческих книжных собраний, авторских сочинений или компилятивных сборников, устных интерпретаций современных носителей традиции и пр. Необходимо изучать весь комплекс материалов, позволяющих увидеть жизнь книги в конфессиональной среде, жизнь социального организма, не мыслящего себя «без ссылки» на авторитетный текст.

Источниковую базу и исследовательские подходы «социальной археографии» целесообразно формировать в свете современных тенденций исторической науки. В последние десятилетия источниковедение является одной из интенсивно развивающихся отраслей гуманитарного знания, а постепенный отход от научной традиции XVIII–XX вв. с ее представлением о непосредственном отражении в источнике и источником объективной реальности становится все более очевидным. На фоне этого естественным выглядит обращение в современных источниковедческих исследованиях к идеям философской феноменологии, «новой исторической науки» и даже постмодернистских «предупреждений» о наличии закономерных преград для адекватной передачи научным дискурсом всего массива смыслов, заключенного в любом фрагменте иной историко-культурной реальности.

Следовательно, социально-археографический ракурс исследования предполагает, во-первых, расширение спектра источников по истории и культуре староверия с особым рассмотрением их явных и потенциальных информационных резервов (полевые дневники археографов как тексты, создаваемые конкретным исследователем, в конкретных условиях и при решении конкретных задач, а не как носители объективного знания по определению); во-вторых, включение в пространство классического археографического исследования междисциплинарных технологий сбора и комплексной обработки материала, к их числу могут быть отнесены, например, дискурсивный и социологический типы анализа¹⁶.

Таким образом, социально-археографическое исследование не сводится к анализу уже выявленных, описанных и опубликованных источников, оно должно развиваться непосредственно в социокультурной среде, в повседневности носителей исторической культуры. Поэтому насущным для него являются не только указанные задачи разработки теоретико-методологических оснований сбора, систематизации и анализа археографического материала, технических средств для оптимального хранения и использования научно-значимой информации и др., но и максимально бережное обращение с изучаемой «живой культурой».

Приведенные выше фактические и методологические аргументы назревшей коррекции предметного поля археографии ни в коей мере не означают отказа от накопленного камерального и полевого опыта, а лишь говорят о том, что сегодня она обладает всеми предпосылками для того, чтобы сделать шаг в направлении не только нового, но и, надеемся, весьма перспективного пути.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Королев Г.И.* В очередной раз об археографии // Отечественные архивы. – 2002. – № 1. – С. 45.

² *Поздеева И.В.* Новая концепция эдиционного архивоведения // Отечественные архивы. – 2002. – № 1. – С. 62.

³ *Козлов В.П.* Теоретические основы археографии. – Новосибирск, 2003. – С. 9–10.

⁴ *Дергачева-Скоп Е.И., Покровский Н.Н.* Задачи археографического изучения Сибири // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. – Л., 1970. – С. 173.

⁵ См. об этом: *Шмидт С.О.* Закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» и задачи археографии и источниковедения // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных и исторических дисциплин и их преподавания в вузах. – М., 1979. – Вып. 1. – С. 158; *Поздеева И.В.* Комплексные археографические экспедиции: Цели, методика принципы организации // История СССР. – 1978. – № 2. – С. 103–115; *Агеева Е.А., Кобяк Н.А., Поздеева И.В., Смилянская Е.Б.* Итоги и перспективы организации комплексных археографических исследований МГУ // Археографический ежегодник за 1986 год. – М., 1987. – С. 170–177; *Поздеева И.В.* 30 лет полевой археографии Московского университета (1966–1995) // Археографический ежегодник за 1995 год. – М., 1997. – С. 48–59; *Мир старообрядчества.* – М., 1998. – Вып. 4. Живые традиции: Результаты и перспективы комплексных исследований.

⁶ Об этом см.: *Покровский Н.Н.* Пути изучения истории старообрядчества российскими исследователями // Археографический ежегодник за 1998 г. – М., 1999. – С. 17–20.

⁷ *Тверская Д.И.* О некоторых итогах развития полевой археографии на территории СССР в послевоенный период // История СССР. – 1976. – № 1. – С. 119.

⁸ *Поздеева И.В.* Задачи и особенности работы экспедиций, собирающих памятники кириллической книжности // Археографический ежегодник за 1977 год. – М., 1978. – С. 58.

⁹ Томская полевая археография является одной из самых молодых в России, ее самостоятельные исследования начали проводиться в регионе с 1985 г. и определялись местной спецификой: в области до недавнего времени были представлены многие из известных исследователям старообрядческих согласий и толков, поэтому по сей день сохраняются у населения древние книги, в так называемой, «живой традиции», предполагающей по определению С.Е. Никитиной: 1) живых носителей данной традиции; 2) традиционное функционирование традиционных текстов; 3) продуктивность традиционных моделей, реализуемую в двух разновидностях: в рождении новых вариантов старых тестов и в производстве новых текстов по старым моделям; 4) ассимиляцию, т.е. усвоение заимствований. См.: *Никитина С.Е.* Исследования устной культуры старообрядчества: итоги и перспективы // Мир старообрядчества. – Вып.4. – С. 33. Руководствуясь этими положениями, томские археографы и строили свою работу. См. об этом: *Бахтина О.Н., Носков А.В., Хасанов В.Я.* Концепция создания компьютерного археографического атласа Томской области // Археографический ежегодник за 1998 год. – М., 1999. – С. 54–62; *Бахтина О.Н.* О компьютерной систематизации материала археографических экспедиций // Историческая наука на рубеже веков. Материалы Всероссийской научной конференции. – Томск, 2001. – Т. 4. – С. 237–242; *Бахтина О.Н.* Книги и люди. Коллекция А.Н. Нифантова в фондах Томского областного краеведческого музея // Музейные фонды в научно-образовательном процессе. Материалы Всероссийской научной конференции. – Томск, 2002. – С. 316–320; *Дутчак Е.Е.* Археографическая практика: учебно-методическое пособие. – Томск, 2003.

¹⁰ Назовем лишь один из хрестоматийных примеров – обнаруженные экспедицией Н.Н. Покровского на Алтае «Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки» конца XVI в. (публ.: М., 1971).

¹¹ *Парамонова М.Ю.* «Несостоявшаяся история»: аргумент в споре об исторической активности // Одиссей. Человек в истории. 1997. – М., 1998. – С. 338.

¹² *Хвостова К.В.* Современная эпистемологическая парадигма в исторической науке (роль многозначной логики) // *Одиссей. Человек в истории. История в сослагательном наклонении?* 2000. – М., 2000. – С. 10.

¹³ См.: *Репина Л.П.* Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории // *Социальная история. Ежегодник 1998/99.* – М., 1999. – С. 7–38.

¹⁴ *Жидков В.С.* Эволюция культуры: системный подход // *Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1998.* – М., 2000. – Ч. II. – С. 253–254.

¹⁵ Приведем только один пример подобного рода. Среди изъятых у староверов-странников, арестованных в Олонецкой губернии в 1864 г., была обнаружена внутриобщинная переписка, указывающая на конфликт по поводу прав на «Кириллову книгу», приобретенную ранее на деньги старообрядческого сообщества. См: *РГАДА.* – Ф. 1431. – Оп. 1. – Д. 1979. – Л. 64об.

¹⁶ *Дутчак Е.Е.* «Слоеный пирог» обыденного: повседневность таежного скита и исследовательские практики // *Вестник РУДН. Серия «История России».* – М., 2003. – № 1. – С. 55–64; *Она же.* Старообрядческая община п. Гарь: возможности социологического дискурса // *Старообрядчество: история, культура, современность.* – М., 2002. – С. 189–198; *Она же.* Неофит в пространстве традиционалистской культуры (к вопросу об использовании теории референтных групп в исследованиях локальных профессиональных сообществ) // *Проблемы методологии гуманитарных исследований.* – Томск, 2004. – С. 67–77.

**«WHEN WE ARE READING, THE LORD IS TALKING TO US...»:
THE QUESTION OF INSTITUTION OF SOCIAL ARCHAEOGRAPHY**

O.N. BAKHTINA

Department of Philology
State University of Tomsk
36 Lenin Ave., Tomsk, 634050 Russia

V.V. KEROV

Department of Russian History
Peoples Friendship University of Russia
10-1 Mikhlukho-Maklay Str., Moscow, 117198 Russia

E.E. DUTCHAK

Department of History
State University of Tomsk
36 Lenin Ave., Tomsk, 634050 Russia

The article analyzes the actual situation formed with archaeology. The both cameral and field archaeology ignore the tasks of eliciting and analyzing of correlations between «book», «bookishness» and «sociocultural environment». This fact germinates in many respects the troubles of this accessory branch of historical knowledge. The authors suggest instituting the new historical branch – «social archaeology» with buts of studying book existence in the cultural context and of analyzing «person»-«book» interaction.